

Александра Никитина

Маленькие
чудеса Адель

18+

Адель

Александра Никишаева

Маленькие чудеса Адель

«Автор»

2026

Никишаева А. Ю.

Маленькие чудеса Адель / А. Ю. Никишаева — «Автор»,
2026 — (Адель)

История женщины, которая изменила мир — не магией, а усталостью от уборки. Она не просила магии. Она просто хотела, чтобы чайник свистел. Адель — женщина из другого мира. Не воительница, не принцесса. Просто уставшая от быта. Когда она попадает в Американию — город, где магия существует, но никто не использует её для уборки, она делает то, что делала всегда: «Слушай, а почему бы не сделать?» Кристофер — артефактор. Умный, но осторожный. Он чинит то, что сломалось. Но ничего не изобретает. Пока не встречает её. Из мелких неудобств рождается революция. Из ворчания — новый уклад жизни. Из любви — мир, в котором не нужно метаться между магией и метлой. Это — история тихой силы. Силы, которая говорит: «Я устала. Значит — надо менять.»

© Никишаева А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чайник, который поёт	5
Глава 2. Тёплый ветер	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Маленькие чудеса Адель

Глава 1. Чайник, который поёт

Утро в Америке пахло дымом из труб, свежим хлебом и тёплым железом, а по мостовой уже стучали колёса паромобиля, будто город не просыпался — а включался.

Адель стояла у чугунной плиты — старой, с двумя конфорками, которые жили огнём, спрятанным в топке. Она уже два часа как на ногах: сначала — вода для умывания, потом — уборка в мастерской, где Кристофер оставил после ночи вчерашние опилки, кусочки меди и осколки стекла от взорвавшегося конденсатора. Она подмела всё, не жалуясь.

Это не было про любовь. Это было про выживание. Каждое вытертое пятно, каждый аккуратно сложенный лист бумаги в его мастерской — не просьба, а доказательство: я здесь. Я полезна. Я на своём месте. Если она перестанет — он может и не заметить. Не из равнодушия, а из погружённости. Кристофер жил в мире, где важны были схемы, расчёты и вибрации кристаллов, а не чистота на столе. Он бы понял, что её нет, только когда привычный порядок начнёт давать сбои. А до тех пор она была для него как воздух: необходима, но невидима.

Адель смотрела на плиту, и внутри неё росло глухое, почти физическое раздражение. Казалось, весь этот мир вокруг работал по каким-то нелепым, затянутым правилам.

Под одной конфоркой стояла кастрюля с водой. Под другой — казан с остывшими остатками вчерашней похлёбки. Вода никак не хотела закипать. Огонь был. Дрова — тоже. Но она лишь лениво пузырилась по краям, будто специально издеваясь над Адель, заставляя её ждать.

— Какая вопиющая неэффективность, — пробормотала она, сжимая пальцы в замок. — Зачем я вообще сюда попала, если даже чай нельзя вскипятить без дежурства у печи? Это просто невыносимо.

Кристофер сидел за столом — низким, массивным, из тёмного дуба, покрытого пятнами масла, царапинами от паяльника и следами от кислоты. Он был уже в рабочем — высокие кожаные ботинки, фартук с карманами, набитыми отвёртками, катушками провода и мелкими шестерёнками. На груди — медальон с гравировкой: «Точность — не волшебство, а долг».

Перед ним — артефакт, похожий на жука, неестественно вскинувшего лапки. Мастер отвинчивал крышку, пальцами — тёплыми, шершавыми, привыкшими к металлу. На лице — очки-гоглы с тонкими линзами, чуть подсвеченными изнутри. А за стёклами — глаза, которые в полумраке светились мягко, как угли, готовые разгореться — и при каждом повороте головы в линзах мелькали голубые искорки.

— Вода закипит, — сказал артефактор, не поднимая головы. — Через полчаса.

— Полчаса? — Адель повернулась к нему, глаза блестели чуть усталостью, чуть вызовом. — У нас в мире чайник кипел за три минуты. И ещё — пищал. Как будто кричал: «Я готов!»

Кристофер хмыкнул. В линзах очков мелькнул отблеск — может, это было отражение огня, а может, проблеск интереса.

— Пищал? Ты хочешь, чтобы чайник кричал на всю мастерскую?

— Почему бы и нет? — усмехнулась она и убрала казан в холодильник. — Чётко, ясно, без лишних слов.

Мужчина поднял на неё взгляд полным недоумения и лёгкой насмешки.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Кристофер вздохнул, вытер руки о фартук и сказал с неожиданной теплотой в голосе:

— Знаешь... может, ты права. Может, стоит попробовать.

Через три дня Кристофер принёс чайник — металлический, простой, но с тонкой полоской лунного серебра у горлышка и стеклянным шариком под ручкой. Внутри шарика дрожал

крошечный дух воздуха. Прозрачный, как ветер в паутине, он плавал в кристаллической капсуле, будто рыбка в аквариуме, только вместо плавников — рваные ленты тумана.

— Попробуем, — сказал Кристофер с таким видом, будто представлял новую модель промышленного пылесоса.

Он нажал на кнопку. Вода закипела за полминуты. Кристалл заискрил, дух внутри шарика резко дернулся. И тут —

— А-А-А-А-ТЬ, КТО ЖЕ ТАК ГРЕЕТ, СУКА?! — раздался оглушительный, надрывный ор, будто в чайнике внезапно материализовался разъярённый гном с тяжелейшим похмелья.

Адель подпрыгнула на месте. Мастер от неожиданности выронил отвёртку, которая с лязгом ударилась о пол.

— Что это было?!

— Э-э... — Кристофер растерянно почесал висок. — Похоже, дух перегрелся. Надо отладить терморегулятор. Зато кипит быстро, видишь?

— Он что, ругается?!

— Ну... это же дух воды. Относительно разумное существо. Ты хотела, чтобы чайник кричал — вот он и кричит. В своем репертуаре.

— Я хотела свист! — воскликнула Адель, глядя на бедный комок тумана в шарике. — А не монолог о том, как ему здесь жарко! Можно его... приглушить? Сделать так, чтобы он просто пел?

— Попробую, — задумался Кристофер, уже возвращаясь к своим расчетам. — Но нужна фильтрация звука. И, возможно, капелька седативного эфира для спокойствия.

Через неделю появился второй прототип. Дух теперь плавал в шарике с охлаждающим гелем, будто в мини-спа, а звук проходил через тонкую серебряную пластинку, настроенную на чистый тон, как струна ветра.

Включили. Вода начала нагреваться, кристалл мягко засветился. И тогда раздалось:

— Трр-р-ри-и-и-ли-ли-ли-ли...

Это было пение — чистое, переливчатое, будто в чайнике поселилась сказочная птичка из лучшей оперной студии Американи.

Адель тихо засмеялась:

— Он поёт.

Кристофер тоже улыбнулся — устало, как человек, который только что провел бессонную ночь в обнимку с паяльником и чертежами.

— Красиво, — прошептала она. Но улыбка медленно сошла с её лица. — Но... мне его жалко.

— Что? — не понял он.

— Он чувствует. Он думает. Он... живой, Крис. А мы его поймали, заперли в стеклянном шаре, привязали к бытовому прибору и заставили петь каждый раз, когда нам хочется чая. Это всё равно что заставить канарейку крутить генератор ради света в комнате.

— Ну, это же не рабство, — растерялся Кристофер. — Это... бытовое применение. У нас так повсюду: духи в лампах, в пылесосах, в посудомойках...

— А в чём разница? — спросила она, не отводя взгляда. — Мы же не хотим строить будущее на страданиях — даже если эти существа не совсем разумны, но живы. К тому же духов на всех не напасёшься, если захотим делать тысячи таких чайников.

Кристофер замолчал. Его взгляд упал на шарик с дрожащим светом, на ленты тумана, которые замедлили движение, словно дух тоже прислушивался.

— Он... правда страдает?

— А ты бы хотел жить в стеклянной бусинке и петь каждый раз, когда кто-то включает плитку?

Он вздохнул, тяжело опустив плечи.

— Духи — это дорого. Я потратил почти весь месячный заработок, чтобы поймать этого.

— Я знаю, — тихо сказала Адель. — Но если бы мог вернуть ему свободу — разве не сделал бы это?

Он поднял взгляд, встретившись с её глазами — там не было упрёка, только тихая решимость.

— Ты не представляешь, насколько это непрактично, — пробормотал он. — Отпустить всех значит лишит мир света, тепла и удобства.

— Я не про всех, — ответила она. — Я про этого. Про одного. Про нашего.

— И что тогда? — он покачал головой. — Будем сидеть в темноте и греть воду на костре?

— Нет. Будем изобретать.

Она подошла к верстаку и взяла лист бумаги.

— Придумай аналог. Что-то, что имитирует голос, но не требует разума. Отдельное устройство — для звука. Или... что-то другое, что ты можешь создать.

— Без духа? — удивился он.

— Без.

Кристофер задумался. Его глаза вновь упали на чайник и шарик с духом — который теперь словно смотрел на них сквозь стекло.

— Ладно, — наконец сказал он. — Отпустим.

Они вышли во двор. Кристофер аккуратно открыл капсулу. Дух вырвался наружу — сначала робко, потом стремительно, словно ветер, вырвавшийся из бутылки. Он закружился над ними, вспыхнул серебром и исчез в небе, оставив за собой лёгкий звон, будто кто-то щёлкнул по стеклянной чаше.

— Ну вот, — усмехнулся Кристофер. — Полетел. Без даже одного «спасибо».

— Зато свободен, — сказала Адель с лёгкой улыбкой.

Он посмотрел на неё:

— Ты не сможешь убедить всех отпускать духов.

— Не всех, — кивнула она. — Но если мы изобретём достаточно аппаратов без них, старые со временем станут ненужными.

— Мечтательница, — усмехнулся он.

— Практик, — ответила она. — Просто с совестью.

Он посмотрел на пустую капсулу в руке.

— Ладно. Начнём с чайника. Без пения. Без матов. Без духов.

— Только с писком?

— Только с писком. И, может, с твоим голосом, если будешь рядом.

Адель улыбнулась.

— Это уже не изобретение. Это почти сказка.

Неделю Кристофер ходил задумчивый, словно нёс на плечах не плащ, а целую библиотеку нерешённых уравнений. Говорил мало, отвечал коротко. Пропадал в мастерской от рассвета до ночи, пока за окном не зажигались фонари, отбрасывая на стены тени шестерёнок и схем.

Адель приносила ему еду — тарелку густого овощного супа, кусок чёрного хлеба с семенами льна и чашку крепкого кофе с ложкой мёда — теперь она знала, как он любит. Он принимал всё молча, с едва заметным кивком. Иногда не отрывался от чертежей.

Она аккуратно ставила поднос на край верстака — боясь задеть не только бумаги, но и сам воздух, насыщенный невидимыми формулами.

— Ешь, — тихо говорила она.

— Спасибо, — отвечал он.

Однажды ночью что-то взорвалось.

Не громко, но так, что задрожали стёкла. В воздухе повисли вонь палёного металла и кислый запах перегретого кристалла. И над всем этим раздался громкий, почти ликующий крик:

— Работает! Работает, чёрт возьми!

Кристофер сорвал с лица защитные очки. Они повисли на груди, словно растаявшие линии старого полотна — перекошенные, но всё ещё держащие форму, как воспоминание о том, как всё должно быть.

Адель влетела в мастерскую, запахнув халат с таким же порывом, с каким врывается утренний ветер. Волосы были растрёпаны, глаза — ещё сонные, но уже светились смехом.

— Что взорвалось? — спросила она, оглядываясь вокруг. — Я думала, у нас духи бунтуют.

Кристофер стоял посреди обугленных досок, держа в руках новый чайник. Металлический, простой, но с лёгким серебристым сиянием по швам, словно он сам знал — он особенный.

Вместо стеклянного шарика — тонкая пластинка из лунного серебра, аккуратно намотанная магнитная спираль и термоактивный кристалл, вибрирующий с точной частотой при нагреве.

— Это он? — подошла Адель.

— Это он, — ответил Кристофер. В его голосе впервые за долгое время прозвучало тепло.

— Без духов. Без криков. Без совести.

— Без совести? — усмехнулась она. — А у тебя она есть?

Он вздохнул, тихо буркнув:

— У меня есть. Поэтому теперь я изобретаю без них.

Они поставили чайник на стол, налили воду и включили его.

Кристалл засветился мягким светом рассвета. Вода быстро нагрелась. И раздалось:

— Трр-р-ри-и-и-ли-ли-ли-ли...

Сказочное пение — чистое, ровное, без страха и боли. Просто звук. Искусство технологии.

Широкая улыбка озарила лицо Адель — словно она впервые увидела снег, тающий под тёплыми солнечными лучами.

— Он поёт сам по себе, — сказала она. — Как живой... но не живой.

— Угу, — кивнул Кристофер.

— Надо оформлять патент. На двоих.

Он остановился на мгновение, голос стал чуть хриплым:

— На двоих?

Она посмотрела на него просто и уверенно:

— Ты придумал машину. Я придумала идею. Значит — мы. Это закон природы.

Кристофер встретил её взгляд. Не как на женщину с просьбой или помощницу. А как на того, кто без слов переписал правила игры — и сделал это просто потому что он иной.

— Но ведь это твоя идея, — сказал он тихо, словно боясь нарушить что-то хрупкое.

— А твои руки — её тело, — ответила она, улыбаясь. — Без тебя она осталась бы в воздухе. Как дым. Как мечта, которую никто не поймал.

Он задумался. Покрутил в пальцах старую отвёртку с потускневшей рукояткой — будто она видела десять войн. Посмотрел на чайник. На своё отражение в его искривлённой поверхности — искажённое, но живое.

И наконец кивнул:

— Ладно. На двоих.

Адель хлопнула в ладоши:

— Значит завтра — в патентное бюро. А сегодня — чай.

...

Утро было серым и тяжелым. Небо висело низко, как мокрая простыня, а город будто затаил дыхание.

Адель уже давно была на ногах. Она не просто убрала дом — она готовилась к бою.

Платье — парадное, с тонким вышитым узором у воротника, надевала его лишь по особым случаям. Волосы собраны в аккуратный пучок, закрепленный старинной булавкой с каплей аметиста. Она смотрела в зеркало, поправляя складки, и шептала себе:

— Мы справимся. Это наш шанс. Не только на патент — на место под солнцем.

Кристофер стоял у двери в чистом плаще с потрёпанным кожаным портфелем. Он не смотрел на неё; считал шаги вперёд и назад — словно тигр в клетке.

Он никогда не ходил в Гильдию по собственной воле. Только по вызову, когда ломались редкие механизмы и требовался «специалист». А теперь шёл с изобретением. Своим. С их.

— Ты готов? — спросила Адель.

— Готов, — сказал он, но голос дрогнул.

Она заметила это, но промолчала, просто подала ему шляпу. Он взял её, поправил на голове, затем резко повернулся к ней:

— А если скажут, что это... глупо?

— Тогда это глупо, — улыбнулась она. — Но мы хотя бы попробовали.

Он посмотрел на неё впервые по-настоящему — не как на женщину, что моет полы и готовит суп, а как на равного партнёра.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — честно ответила она. — Но если не попробовать сейчас — страх останется с нами навсегда.

Он кивнул. И впервые за утро — улыбнулся. Коротко, словно блик на воде.

Гильдия Артефакторов стояла на краю города, словно старый страж, давно утративший веру в чудеса. Камень фасада почернел от дождей и времени. Внутри пахло пергаментом, пылью и чем-то застывшим, официальным — будто воздух боялся шевельнуться без разрешения.

Кристофер вошёл тихо. Старался не всколыхнуть воздух, словно стеснялся того, что посмел переступить порог «священной» территории. Не стучал, не кашлял, не требовал внимания. Просто поставил на стол чайник — серый, простой, с тонкой серебряной полоской у горлышка, будто кто-то провёл по нему пальцем, испачканным в пыли лунного света.

За столом сидел чиновник Гордред — коренастый мужчина с козлиной бородой и прищуренными глазами, которые видели слишком много глупостей. В его родословной явно отметились гномы — иначе как объяснить, что он столько лет удерживает своё место?

— Ну? — буркнул он, не отрываясь от бумаг.

— Хотел бы оформить патент, — сказал Кристофер.

Гордред поднял голову и пожал плечами.

— На что?

— На чайник.

— Чайник? — переспросил он, словно ослышался.

— Не просто чайник. Он поёт.

Тишина повисла в комнате, нарушаемая только тихим тиканьем часов на полке. Перо в руке чиновника замерло.

— Что?

— Когда вода кипит — он поёт. Как птица на рассвете.

Мужчина медленно развернул чертёж и смотрел слишком долго. Потом поднял глаза — они расширились, словно перед ним не чайник, а взломанный сейф патентов.

— Вы шутите? Это бытовой артефакт.

— Да.

— Гильдия не выдаёт патенты на быт.

— Я знаю. Но это — не просто удобство. Это — освобождение.

Гордред недоверчиво приподнял бровь.

— От чего?

— От ожидания. От необходимости стоять у плиты, глядя в кастрюлю, как в пророческое зеркало. Теперь можно просто жить. И — услышать, когда пора.

В воздухе повисла пауза. Напряжение было настолько густым, что казалось: его можно разрезать ножом. В этой тишине слышался скрип половиц и лёгкое шуршание мыслей.

— И он работает без активации магией?

— Без. Только материалы: лунное серебро, магнитная спираль, кристалл, который вибрирует при нагреве. Просто нажать на кнопку и периодически менять накопитель.

Гордред взглянул на чайник, потом на Кристофера, и наконец — на дверь. В тени стояла Адель в простом платье, с усталыми глазами, знающими, что значит стоять у печи.

— Это она предложила, — сказал Кристофер. — Патент — на двоих.

— Женщина? Изобретатель? — хмыкнул Гордред. — У нас в гильдии и мужчины-то по десять лет у чертежей сидят, прежде чем руки дойдут до патента.

— Понимаю, — кивнул Кристофер. — Но без неё не было бы идеи. А без идеи — не было бы этого.

Он ткнул пальцем в чайник.

Гордред прищурился и посмотрел на Адель.

— Хорошо. Документы требуют полного имени.

— Я — Кристофер Аэронн, — представился артефактор и повернулся к ней.

— Аделаида Фалери.

Чиновник замер на мгновение — ручка застыла над бумагой.

— Фалери... — тихо произнёс он, словно пробуя звучание слова на вкус.

Кристофер чуть напрягся: плечи инстинктивно подались вперёд, пальцы сжались на ручке портфеля.

Но Гордред лишь тихо вздохнул и снова наклонился над бумагой, выводя буквы с деловой размеренностью.

Плечи Кристофера расслабились. Он медленно выдохнул — не осознавая, что задерживал дыхание.

Гордред заполнял бланк медленно, словно каждая буква была весомым камнем в фундамент чего-то нового.

Название: «Поющий чайник»

Авторы: Кристофер Аэронн, Аделаида Фалери

Принцип действия: термоактивная вибрация лунного серебра через магнитную спираль

Особенности: отсутствие разумных компонентов, экологичность, повторяемость

Срок гарантии: десять лет

— Десять? — переспросил Гордред, вскинув бровь.

— Десять, — ответил Кристофер, не отводя взгляда от Адель.

— Ладно, — буркнул чиновник. — Как скажете.

Он протянул документ, и в его голосе промелькнула тень чего-то похожего на уважение.

— Только постарайтесь не взорвать с ним город.

Кристофер взял патент и повернулся к Адель. Она улыбалась — тихо, с тем самым облегчением, которое приходит, когда самый страшный прыжок в неизвестность оказывается удачным.

Спустя неделю в «Амеранской Газете» появилось объявление, которое заставило многих жителей города перечитать его дважды:

«Поющий чайник» — первый артефакт, который поёт не за счёт страданий, а за счёт мысли. Забудьте о духах. Настоящее будущее — без пленённых души.

Глава 2. Тёплый ветер

Примерно спустя месяц после «Поющего чайника» Адель стояла у окна, собирая мокрые волосы в тугий узел. За стеклом лил дождь — неспешный и усталый, словно сам город выдохнул после недели паровых взрывов и магических сбоев. По мостовой стекали тонкие серые ручьи, а на железных навесах тяжёлые капли отбивали монотонный ритм.

В комнате стоял запах сырости — влажной шерсти, промокшего дерева и старого камня. Тяжесть лежала на голове уже двое суток: не боль, а ощущение промокших мыслей, спутанных, как пряди волос.

Палец скользнул по запотевшему стеклу — попытка стереть границу между мирами. Тем родным, где утром звучит звон будильника и пахнет кофе; и этим — чужим временем, в которое её выбросило без предупреждения.

Переход не помнила. Только — холод под ладонью, вспышку света, как будто кто-то щёлкнул выключателем в её сознании — и следующий миг: уже здесь, в чужом времени, в чужом мире, не зная, куда двигаться дальше.

За окном кипела жизнь. Соседская семья — пожилая пара с двумя внуками — убирала мокрую листву с тротуара. Дед, в старом плаще с капюшоном, подгребал ветки граблями, бабушка собирала их в плетёную корзину. Внуки, мальчик и девочка, смеялись, бросая листья в воздух, пока те не превращались в мокрую кашу под ногами. Они не жаловались. Просто *делали*, как делали всегда. Их движения были размеренными, как дыхание города.

Адель смотрела на них и думала: *«Вот оно. Уют. Не в сухости волос. А в том, что кто-то рядом, и вы вместе делаете что-то простое — и это важно».*

Над крышами пронеслась стая птиц — не местных, каких Адель здесь за несколько месяцев жизни ни разу не видела. Их оперение переливалось бронзово-фиолетовым, словно бензин на воде, а длинные хвосты изогнулись, как стрелы времени. Они не пели, но при каждом взмахе крыльев раздавался тихий звон — будто в воздухе дрожали стеклянные нити.

— Откуда они? — прошептала Адель, но ответа не последовало.

Птицы пролетели над мастерской и исчезли за куполом башни артефакторов.

Кристофер не стал спрашивать, как она сюда попала — всё и так было ясно. Это была его ошибка: пытаясь починить старый артефакт, он перегрузил магический контур, и в момент сбоя возник кратковременный разрыв в пространстве. Через него провалилась Адель.

Он пытался вернуть её обратно — несколько дней возился с расчётами, перебирал кристаллы, перепайвал соединения — но обратный переход так и не стабилизировался. В конце концов пришлось признать: путь назад пока закрыт.

Тогда он предложил ей остаться — пока она не разберётся, что делать дальше. Его голос был спокойным, без излишних эмоций:

— Можешь пожить здесь. Помогай по дому — и взамен получишь крышу над головой, еду и всё необходимое.

Он не обещал ничего большего. Ни будущего, ни помощи в поисках пути домой. Просто дал шанс не остаться на улице.

Адель согласилась без колебаний. Идти было некуда.

Сначала между ними существовала тихая договорённость: она убирала, готовила, вытирала лужи от протекающих механизмов, напоминала ему поесть — а он погружался в чертежи, забывая о времени и сне.

Со временем между ними установился ритм. И однажды он сказал почти между делом:

— Останься. Помоги. Стань... кем-то вроде домохозяйки.

Адель усмехнулась:

— Домоправительницей? Как Фрекен-Бок?

— Не знаю, кто это, — пожал плечами он. — Но если тебе так удобнее называть — называй.

Она не испугалась. Домашние дела её никогда не пугали. Наоборот, в них было что-то умиротворяющее, особенно в мире, где даже быт был переплетён с магией.

Её захватывал сам этот мир: как обычные люди, не обладающие даром, умудрялись жить рядом с магами; как создавали артефакты, работающие на накопителях — устройствах, которые мог запустить кто угодно, просто вставив кристалл, словно батарейку. Она с любопытством изучала механизмы, трогала прохладные грани накопителей, прислушивалась к тихому гулу работающих приборов. Всё это казалось одновременно сложным и удивительно логичным — словно мир играл с ней в загадку, а она медленно находила ключи.

Она не просила многого. Лишь возможности наблюдать, задавать вопросы, быть рядом. Но в этом тихом «работаю за еду» постепенно зарождалось нечто большее — не договор, а соучастие. И хотя Кристофер не признавал этого вслух, он уже не мог представить свой мир без её шагов по коридорам, без запаха свежеспечённого хлеба, без того, что кто-то просто напоминал: «Ты человек. Даже если забываешь об этом». В его мире, где сила измерялась заклинаниями, а уважение — умением их применять, её простота стала неожиданным якорем.

Удивительно было и то, что при попадании в другой мир Адель не просто понимала речь — она могла читать и писать. Поначалу это казалось чудом: глаза скользили по незнакомым символам, а в голове сами собой складывались знакомые слова; будто кто-то невидимый мгновенно переводил текст. Незнакомые слова заменялись на похожие по смыслу, сохраняя суть, но придавая ей оттенок родного языка. Она могла взять древнюю книгу на языке, которого никогда не слышала, и прочесть её так же легко, как газету из своего мира.

Это порождало забавные моменты. Например, когда гоблин с характерным хриплым акцентом произносил земную идиому — «заварить кашу» или «тянуть кота за хвост», — Адель едва сдерживала смех. Она представляла, как эти фразы звучат в его голове на гоблинском и пыталась угадать, какие образы возникают у него при словах, привычных для неё. Особенно её радовал разнообразный акцент, соответствующий разным нациям Земли:

Эльфы изъяснялись с оттенком староанглийского.

Гномы, напротив, говорили ярко и экспрессивно — будто с армянским или кавказским акцентом: громко, с восклицаниями, подчёркиванием согласных и внезапными паузами, словно решая, стоит ли продолжать фразу. Иногда вставляли междометия наподобие «ой-вей» или «вабабай», а тональность взлетала вверх и резко падала, создавая ощущение живого диалога даже в самых простых разговорах.

Жители южных земель растягивали гласные, словно напевая, тогда как северяне говорили коротко и рублено, будто боялись тратить лишнее дыхание.

Иногда Адель задумывалась: это дар мира — или её собственный, ещё не осознанный? Пока это было неважно. Главное — она могла слушать, читать и задавать вопросы. С каждым днём мир становился чуть понятнее, а она — ближе к разгадке своей судьбы.

А сейчас, глядя на струящуюся по стеклу сырость, въедающуюся в стены, Адель тихо вздохнула. Волосы, собранные в небрежный узел, всё ещё тянулись к плечам — тяжёлые, как старые воспоминания. Каждая прядь будто впитывала этот дождливый день — влажный, усталый, бесконечный.

Она провела ладонью по виску, чувствуя холод на коже.

— Хватит, — прошептала себе.

Упрямо подняла голову, отбросила за ухо влажную прядь и направилась к мастерской. Дверь скрипнула — как всегда, неотремонтированная, но Кристофер и не обращал внимания на такие мелочи.

Внутри пахло озоном, горячим металлом и древесной пылью. Кристофер сидел за верстаком, склонившись над чертежом, освещённым тусклым светом паровой лампы. Его пальцы замерли над схемой, перо едва дрожало — он был глубоко погружён в задачу, как всегда.

— Я больше не могу, — сказала Адель, остановившись в дверном проёме.

Он медленно поднял глаза, будто выныривая из другого мира.

— Что случилось?

— Нужен фен, — сказала она.

— Фен? — переспросил он с недоумением, словно услышал слово из другого языка.

— Да. Устройство, которое дует горячим воздухом. Без огня. Чтобы сушить волосы, — пояснила, бросая взгляд на свои пряди, всё ещё тяжёлые от влаги. — У нас это было в каждой квартире. Простой аппарат, который значительно упрощает жизнь.

Кристофер задумался. Его взгляд скользнул к стопке старых артефактов в углу — там пылился полуразобранный вентилятор с ручным приводом.

— Горячий воздух... — пробормотал он. — Теоретически можно попробовать магию ветра с термонагревом. Но это сложно. Один сбой в резонансе — и не только волосы сгорят.

— Ты же справился с «Поющим чайником».

— Чайник — это звук и тепло. Просто. А тут — энергия, направленный поток, контроль температуры... Риск.

— Значит, сделай так, чтобы не было риска, — сказала Адель. — Это твоя работа.

Он посмотрел на неё — мокрую, уставшую, но всё ещё стоящую прямо, с упрямой надеждой в глазах. На прядях волос, что прилипли к щеке. На руках, сжатых в кулаки, словно она уже готова доказать: можно иначе.

Он понял, что Адель не просила вернуть её домой. Она хотела просто — чтобы здесь было уютно.

И в этом простом человеческом желании было больше магии, чем во всех его кристаллах.

Он опустил перо и тихо сказал:

— Ладно. Попробуем.

Через неделю он позвал её в мастерскую:

— Готов. Показываю.

На верстаке стояло устройство — железная трубка, похожая на миниатюрную пушку. С одной стороны — вентилятор из тонкого металла, с другой — магический элемент тепла, а посередине — охлаждающая решётка.

— Это первый прототип, — сказал он. — Должно сработать.

— А как проверишь? — спросила Адель.

Он достал стеклянную банку, надел на неё чёрный мокрый парик из конского волоса. Поставил на кирпич, отошёл на шаг.

— Смотри.

Включил.

Из насадки вырвался поток горячего воздуха. Парик зашевелился, начал сохнуть.

— Работает, — сказала Адель.

И вдруг — конский волос вспыхнул.

Резко, с хлопком и дымком, словно спичка, брошенная в порыв ветра. Банка покрылась копотью. Запахло гарью.

Он сразу выключил.

— Перегрев, — констатировал.

Адель подошла, с трудом подняла устройство, покрутила в руках, оценивая его весомость. Корпус был тёплым — не от прикосновения, а изнутри, словно механизм ещё не остыл после работы. На мгновение задержала пальцы у основания ручки, где металл смыкался с дере-

вом, и подумала: «Нагрелся. Сильно. Даже слишком для первого запуска». Но промолчала, слегка нахмурившись.

Потом взяла лист бумаги и карандаш.

— Вот, — сказала, рисуя. — Оно должно быть в руке, а не на столе. Лёгкое и удобное.

Рисунок был далёк от инженерных чертежей, но удивительно понятен. Она показала, как должна ложиться ручка, как примерно рассеиваться поток, как выглядеть насадка. Нарисовала пару вариантов.

— И чтобы не казалось, что держишь оружие, — добавила она. — А будто... ухаживаешь.

Кристофер смотрел на чертёж. Потом — на неё.

Она не просто чертила. Она рисовала ощущение.

Он — привыкший к формулам и расчётам — вдруг понял: это и есть начало настоящего изобретения.

— Я доделаю, — сказал и надолго исчез в мастерской.

Новая версия была шикарна.

Устройство обшили тёплым деревом, отполированным до мягкого блеска. Ручка — удобная, словно созданная под ладонь. Насадка — широкая, с сеткой, чтобы поток не бился в кожу, а нежно обволакивал. Внутри — два кристалла: один плавно регулировал нагрев, второй отключал питание при резком скачке температуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.